

СВЕТЛЯЧОК

16.06.2014

№ 6 (39) Июнь 2014 года

• Край родной

Возвращение на землю

Я слушаю неторопливый рассказ бабушки Лиды. И рисую на большом листе план деревни Голенищево. Вдоль улиц в Старой и Новой деревне наношу квадраты домов. Внутри квадратов надписываю имена владельцев и состав семей. Иной раз приходится и за квадрат залезать – семьи некоторые были большими. Меня поражает в рассказе бабушки удивительная подробность – многих односельчан она помнит не только по имени, фамилии и отчеству, но и указывает с уверенностью год рождения. Моё недоумение по этому поводу рассеивает сентенцией: «А как не знать, когда на гулянках разновозрастные держались отдельными стайками?!». Да и в процессе долгой жизни в одной деревне биографические подробности соседей накрепко удержались в памяти.

По некоторым домам коротко бросает: «Все умерли...». Я протестую: «Как все? Ведь у них были дети и внуки». Бабушка невозмутимо парирует: «Дети, внуки разъехались, и знать о них не знаю, а эти все умерли». Руки как-то опускаются. И думаешь: «И зачем я это делаю? Кому это нужно?».

И действительно: кому? Ушёл в небытие мир ещё одной русской деревни со своим неповторимым укладом, своей историей, своими героями и не героями. Ещё держатся кое-где полуразрушенные дома и хозяйственные постройки, но недолго им осталось, и скоро от родовых гнёзд останутся лишь небольшие холмики, заросшие сорным кустарником, а затем и деревья поднимутся, как уже просматривается на отдельных участках.

От грустных мыслей меня отвлекает та же бабушка Лида, ибо начинает рассказывать подробности личной жизни и тех, давно умерших. И я поражаюсь коллизиям их судеб, где всё: и свирепые драки, и любовные треугольники, и подлинные трагедии. Известная народная мудрость: «Жизнь прожить – не поле перейти», – подтверждается во всей своей полноте и подлинности.

По реакции бабушки вижу, что ей самой интересно вспоминать события прошлого, более того: она, возможно неосознанно, старается передать мне нить связи поколений, некую спасительную соломинку, способную ещё вытащить нас из болота повседневности. И когда я возвращаюсь в это самое Голенищево, в свой единственный жилой дом в некогда большой многолюдной деревне, то, проходя по улице, поневоле здороваюсь мысленно с земляками. Вот дом Воронцовых, вот Топоровых, вот дом дяди Саши Лотогольца. Родовые гнёзда, разорённые, брошенные... И кругом дикий бурьян. Где вы, соколы и соколихи, вылетевшие из этих гнёзд? Ищите лучшей доли в других краях, в больших городах.

Давно подмечено: все известные рода зарождались в сельской местности и угасали в городах. А как же быть теперь? Когда и истоки родов пересохли? Потому-то и совсем не случайно нас – русских – становится всё меньше и меньше. И никакими деньгами в виде родовых капиталов дело не изменить, наверно. Без крепкой сельской России никогда не будет крепкого государства России. А сейчас мы являемся свидетелями быстрого, скоротечного умирания нашей страны.

Неужели нет выхода? Безболезненного, скорее всего, действительно нет. Видимо, всем нам нужна хорошенькая встряска, чтобы образумились. Придётся, ох, придётся вспомнить про заброшенные деревни и заросшие кустами и бурьяном земли вокруг них. Это не кликушество, во мне сейчас говорит здравый смысл: ведь это неправильно, что мы бросили землю, данную нам Богом во владение. И возвращаться на неё придётся, дорогие мои земляки. Это не мои фантазии.

Старца Феодорита из псковской глубинки (почившего в 2002 году), которого русская зарубежная православная церковь (так называемые Витальевцы, они не воссоединились с нашим московским патриархатом) собирается канонизировать как святого, как-то спросили об этом – об умирании деревень – и он ответил: «Подождите, придёт время и здесь (указывая на село) людьми будет занята самая последняя сараюшка. Яблоку упасть будет негде, так будет много народа».

К словам этого старца стоит прислушаться. Ведь по преданиям, предаваемым из уст в уста, ему являлась сама Богородица и святой Серафим Саровский, и именно этот старец удостоился лицемерия Святого Государя Императора Николая II в фашистском логове – рейхстаге, после его взятия нашими войсками в победном мае 1945 года.

Когда и как это случится – а я имею в виду подлинное возрождение сельской России – одному Богу известно. Нам, сегодняшним, это кажется непосильной задачей, настолько всё запущено и заброшено, настолько мы изнежились в городах и разучились работать на земле. Остаётся по-русски уповать только на чудо.

Валерий Трофимов,
д. Голенищево.

• Час грозы

* * *

Час грозы. Плывут канавами
Веток ломаных крюки.
Все дороги стали главными,
Уступают дураки.
Подгоняя год к экватору,
На волну ползёт волна.
Смерть машинам с карбюратором,
И инжекторным хана.
За стеклом танцует молния,
По стеклу колотит град.
Чем душа твоя наполнена,
Рассказать бы всем подряд!
Но кого найдёшь гуляющим –
До глушителя вода.
Дорожи своим пристанищем
В этот час, как никогда.
Тормозами, саморезами
Не сдержат такой поток.
Если б ты дружил с поэзией,
То воспеть стихию смог.
Вместо этого устало
Ты коснулся лбом руля
И уснул. И щепкой малой
Понесла тебя Земля...

Фёдор Иванов,
г. Тверь

СЮЖЕТ С ДОЖДЁМ

Женщина без возраста,
Капельки в ресницах.
В женщину без возраста
В самый раз влюбиться.

В джинсах, мокрой маечке –
Будто без одежды.
Обозвала мальчиком,
Значит – нет надежды.

На вопросы дерзкие
Не даёт ответа.
Ливень – занавескою.
Мне бы в Ваше лето!

Под хмельными струями
Наяву приснится,
Как я поцелуюми
Вам сушу ресницы.

Маргарита Петрова,
Андреаполь

* * *

Прощай!..
Ещё течёт с плаща.
Дождь исхлестал перрона пустошь.
Я знаю, ты простишь, отпустишь –
ты милосерднее. Прощай!..
Ткнись лбом в стекло и остужай
везувий, рвущийся наружу.
Скажи, кто может ранить душу
больней, чем близкая душа?!
Расплылись фонари...
Не склеить нам чашку счастья
и удачу в дом не вернуть.
Нет, я не плачу,
нет – это капли на стекле.
Прощай... Уже вот-вот качнёт
вагон, и всё придёт в движенье,
и поплывёт сквозь отраженье моих тревог
пейзаж ночной.
Как зверь, предчувствуя беду,
в тоске глухой, многоколёсной
я по Земле поеду плоской
и с края кану в пустоту.
Прощай... Вокзальная праща
метнёт в пространство электричку...
По христианскому обычаю
прощай обидевших.
Прощай!..

Владимир Юринов,
Андреаполь

НЕПОГОДА

Надо ли? И дождь лупил по крышам,
Вымочил прохожих просто так.
Знак ли это? Мы раскаты слышим
Дроби по карнизам. Как простак
Ветер зло метал в нас листья липы,
Чьи заказы выполнял пострел,
Чтоб услышать от деревьев скрипы?
Получалось - сам он так скрипел.
Он свистел старательно и, пыжась,
Дул на дуб, берёзу и на клён.
Что с того, скажите-ка на милость,
В том, что он в доносах был силён?
Дуб шумел, вершиною качая -
В дуплах пригревая мошкарю,
Зорька - это мудрость не простая,
Усмирила ветер поутру.
Грозы всегда проходят всеу,
Чтобы землю напоить чуть-чуть.
Что смотреть, откуда ветер дует?
Всё оттуда, из-за тёмных туч.

Татьяна Лапко,
В. Луки – Андреаполь

Александр Бойников**ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРАВДЫ***Заметки о новой книге Валерия Кириллова*

«Прежде всего снимай с очей ума твоего покровы, содержащие его в ослеплении». Этой мудростью Феофана Затворника предварил свою новую книгу **«На разломе»*** русский прозаик и публицист Валерий Кириллов. Употреблять здесь штампованное «известный» нет необходимости, так как писатель не нуждается в пиаровском «подогреве»; стоит лишь произнести его имя и сразу станет ясно, о ком речь. О человеке – мужественном в борьбе за справедливость, принципиально отвергающем политическую конъюнктуру, чьё слово принимают сердцем и разумом тысячи людей. О человеке, прошедшем искушение ложной «демократией», но умеющем признавать свои ошибки и отказываться от иллюзий, какими бы заманчивыми они ни выглядели.

С начала XXI века вышло из печати более десятка книг В. Кириллова, и в каждой из них языком публицистики, прозы, драматургии, поэзии, дневников он ставит и обсуждает животрепещущие, дающие знать о себе едва ли не ежедневно проблемы, близкие широким слоям народа; он просвещает, советует, помогает.

Книга «На разломе», отсылающая своим названием к драме Бориса Лаврёнова на тему крушения старого мира в октябре семнадцатого, посвящена трагической реальности начала 1990-х годов: ГКЧП, гайдаровской шоковой терапии, съездам народных депутатов, что проходили в обстановке разоблачений, обличений и фальшивых лозунгов о стремлении к благоденствию, расцвету деятельности иностранных спецслужб в условиях «зелёной улицы». Есть над чем поразмыслить сегодня. Всё-таки что же случилось в России ровно 20 лет тому назад: «коммуно-фашистский мятеж» или последняя героическая попытка спасти законную власть? В любом случае это была революция (какой бы знак к ней не ставить), ибо после неё страна начала жить по иным законам и по иной Конституции.

В. Кириллов в 1990–1993 гг. был народным депутатом РСФСР. Теперь же он воскресил в памяти изгибы и порывы тогдашней политической борьбы, подробно передал насыщенную метаниями и противоречивым пониманием грядущего общественную атмосферу в Твери и Москве, наконец, с крепкой фактической точностью исследовал хронику противостояния Б. Ельцина и избранного демократического парламента осенью 1993 года. Объективный, не исключая расхождений с общепринятыми мнениями (и это В. Кириллов подчёркивает), взвешенный, но полный внутреннего накала, оценочный разбор «с высоты прожитых лет» социально-политических событий, коих писатель был и свидетелем, и непосредственным активным участником, соединяет перипетии горячих дискуссий о новой российской Конституции, тяжёлые раздумья и разочарования, доблесть одних и предательство других...

Кто-то будет искать в книге либо запоздалое покаяние бывшего «демократа», либо бесплодные инвективы нынешнего «патриота». И ошибётся, поскольку не найдёт ни первого, ни второго. Нынешняя позиция Валерия Кириллова – творческая и мировоззренческая – позиция честного русского публициста, идущего вперёд горьким, но исцеляющим путём духовного прозрения, указанным Феофаном Затворником... В жанровом отношении его книга представляет собой целостное, но с рядом не рушащих его ответвлений и композиционных вставок, публицистическое повествование о важном этапе новейшей истории России, изложенное ясно, доступно, с обилием забытых сейчас фактов, с обширными выдержками или полными текстами документов, которые сегодня найти трудно. Вкупе с теми, что давно обнародованы, они доказывают: власть президента Ельцина в 1993–1999 гг. была нелегитимной. Историю вспять не повернёшь, но и истины её не скроешь...

Постоянные пространственные параллели – общесоюзный уровень – Москва – Тверь, проекция личного опыта писателя на жизнь страны и наоборот придают содержанию книги объёмность и масштабность. Глубинный пафос (не пафосность!) её отражают строки Владимира Маяковского: «...это сердце с правдой вдвоём. // Это было с бойцами, или страной, // или в сердце было в моём». Даже мелкие упоминания о каких-либо политических акциях неожиданно приоткрывают важные социальные закономерности: «22 апреля [1990]. <...> Ельцин уже не для сегодняшнего дня, его время уходит, но, кроме него, от демблока выдвигать в президенты некого».

А ведь ещё в начале XX века выдающийся публицист Михаил Меньшиков, сетуя на беспомощность русского правительства, говорил, что есть в России люди, способные вести её вперёд и компетентно, в соответствии с высшими государственными интересами управлять ею, но не дают им развернуться, реализовать свои созидательные таланты. Не в отсутствии ли по-государственному мыслящих руководящих кадров корень вчерашних и сегодняшних бед России? Настоящий корень мучающего её зла?

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр.3).

Теперь провинциальный штрих: «В Красном Холме рьяный тракторист поехал на бульдозере срывать здание райкома, да перепутал его с кинотеатром. Еле урезонили “смельчака”».

Такая же тёмная, inferнальная энергия выплеснулась на российскую землю в 1917-м. Умело направляемая сверху она руками «гегемона» громила православные храмы, убивала «контрреволюционных» интеллигентов, уничтожала «буржуазные» культурные ценности.

Зачем вновь перемалывать прожитое, подёрнутое дымкой времени? У истории учиться не просто и часто не хочется, но возможно и нужно. Валерий Кириллов – очевидец той (контр)революции 90-х и то, что для нынешней молодёжи уже прошлое, для него – жгучее настоящее. Однако авторская оценка описываемых событий отличается продуманностью и отсутствием нарочитой аффектации. Сами же они таковы, что убеждают и возмущают. Чего стоит нарисованная писателем чёткая, конкретная, с множеством эпизодов картина грандиозного, наглого и самодовольного разворовывания великой страны, пускания в распыл щита нашей внешней безопасности – огромного индустриального потенциала, созданного несколькими поколениями. Воистину, только в этом чёрном деле «перестройщики» всех уровней и мастей подтвердили свою профпригодность на 100 процентов. Или свидетельства российских и зарубежных политиков и журналистов о подкупе Ельцина и Горбачёва, о проникновении агентов ЦРУ в советское руководство. Писатель раскрыл истинные причины того, почему рухнула советская сверхдержава, кто способствовал её крушению. Поэтому книга «На разломе» – ещё и интеллектуальное противоядие, которое способно излечить людские (и особенно молодые) умы от псевдореформаторской эйфории, ведущей в действительности к развалу России и утрате её суверенитета.

Уникален раздел «Поэзия 1993-го». Здесь собраны стихотворения 27 авторов, в частности С. Золотцева, А. Боброва, Л. Ивашова, И. Ляпина, А. Проханова, А. Лукьянова, а также тверяков А. Кулаковой, Л. Гомзяковой, К. Рябенского. Благодаря В. Кириллову открыта особая страница в русской поэзии XX века – с безумством храбрых обличающая антигосударственное зло, беззаконие, смертный грех убийства и ставшая красным реквиемом бойцам, павшим за Россию. Она будет постоянно дополняться, поскольку не исчерпывается только помещёнными в книгу произведениями, и разрастётся до большой антологии.

*Где же, братья, наша сила?
Иль не русские уже?!
Затаилась мать-Россия
На опасном вираже... (В. Кириллов).*

И всё-таки вряд ли получится без гнева читать главы о расстреле из танков – по приказу Ельцина – российского парламента, где, до смертного часа веря в несбыточную надежду, патриоты отстаивали государство.

ИЗ «ЗАВЕЩАНИЯ, НЕ СДАВШИХСЯ ЗАЩИТНИКОВ ДОМА СОВЕТОВ»:

«Братья, когда вы прочтёте эти строки, нас уже не будет в живых. Наши тела, простреленные, догорят в этих стенах. Мы обращаемся к вам, кому повезло выйти из этой кровавой бойни.

Мы любили Россию. Мы хотели, чтобы на этой земле восстановился, наконец, тот порядок, который Богом её определён. Имя ему – соборность; внутри её всякий человек имеет равные права и обязанности, и преступать закон не позволено никому, в каком бы высоком чине он ни был. <...>

Простите нас... Мы же прощаем и тех, кто послан нас убить. Они не виноваты...

Но мы не прощаем, проклинаям бесовскую шайку, севшую России на шею.

Не дайте затоптать великую православную веру, не дайте затоптать Россию».

На совести ельцинского режима (хотя о какой совести по отношению к нему можно говорить?) – смерти не только убитых, сгоревших в огне и задохнувшихся в дыму защитников Дома правительства и сочувствующих им. В списке ненаказанных преступлений – бессудные расстрелы на стадионах, жестокие избиения простых граждан безо всякого повода. И самоубийство 20-летней Валерии Воронцовой – её, раненую в спину, в грязном подвале насиловали два ОМОНовца; она ушла из жизни, не вынеся надругательства. Скорбный мартиролог погибших защитников Конституции. Страшная память, но забывать о ней, как и о гитлеровском фашизме, мы не имеем права, иначе всё может повториться...

Страна должна знать и своих антигероев. На контрасте здесь же помещён список Героев Российской (продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 3-5).

Федерации и награждённых орденом «За личное мужество» по итогам октября 1993-го. Но «раскалённым свинцом будут жечь ордена, // И кровавые мальчики сниться» (Леонид Ивашов).

Несмотря на выдержанный тон автора-повествователя, книга «На разломе» – острополюсична. Жестокий опыт 1993-го неотделим от ситуации выбора, когда ради идеалов и принципов рискуешь не столько материальными благами, нервами и настроением, сколько физической свободой, будущим и собственным «Я». Что выбрать, кого и чему научила или не научила история – на эти и многие другие вопросы отвечает глава «Так кого же “высекла” жизнь?» Стержень её – бескомпромиссный спор с неоднозначно популярным когда-то тверским, затем столичным политиком Вячеславом Брагиным, вникнув в суть которого, ещё яснее понимаешь выстраданную правоту Валерия Кириллова.

Так что же, справлять поминки по России? Нет! – уверенно отвечает писатель. Что можно противопоставить упадку и запустению русской земли? Ответ есть: только «энергию созидательного обновления жизни». Я бы добавил: и очищения души. На родной ему андреапольской земле В. Кириллов видит её животворные родники, прочные связующие звенья настоящего и будущего:

«В Козлово приехали подмосковные предприниматели Дмитриковы и возвели две фермы, пущен в действие молокозавод, отремонтирован 18-квартирный дом, оделась в новый асфальт главная улица (областная власть помогла), заложен православный храм...»

«Паньково почти умерло, но поселилась в нём дружная семья Борисовых, и деревня сохранилась. Борисовы создали пчеловодческое фермерское хозяйство, где ныне полторы сотни пчелосемей...»

«В Хотилицы вернулась преподавать в родной школе кандидат биологических наук, бывший заместитель директора по науке крупного заповедника Алла Алексеевна Петрова. Теперь ученики этой школы постоянно побеждают на российских конкурсах и олимпиадах по биологии...»

Такой же энергией наполнена и новая книга Валерия Кириллова.

г. Тверь

*Кириллов В. Я. На разломе. – Тверь: СФК-офис, 2013. – 282 с. + 24 ил.

всему, что чуждо национальным интересам России.

Андреапольцы найдут в ней немало знакомых мест и имён.

Людмила Кузнецова из Нелидова стала

редактором и автором-составителем новой книги в память об известном нелидовском краеведе Н.В. Николаеве. Это строки из её вступительной статьи: «Николай Васильевич умер, не издав собственной краеведческой книги, о которой очень мечтал. И эту его мечту мне захотелось осуществить, ведь именно Николаев

«заразил» меня когда-то «краеведческой болезнью». Книгу Николаева «Тверская смоленщина» при финансовой поддержке меценатов мне удалось издать в 2005 году. Она быстро стала раритетом. Поэтому я взяла на себя обязательство: в этом году к 85-летию со дня рождения Николая Васильевича подготовить к изданию его вторую книгу, эту самую, которую нарекла «Тверской Смоленщины большие имена», включив в неё, наряду с главами, вошедшими в первое издание, и новые главы».

Книга выпущена на средства нелидовских депутатов.

Эти книги подарены авторами в Андреапольскую центральную библиотеку, и вы можете их прочесть.

• Новые книги

Новая книга известного писателя и публициста Валерия Кириллова «Национальное или глобальное» состоит из его статей и очерков, опубликованных в последние годы в центральных и тверских изданиях. Они отличаются острой полемичностью и беспристрастностью автора по отношению ко

• **Хранится в памяти моей****КАК Я ПРОВЕРЯЛ, ЕСТЬ ЛИ БОГ?**

Я не знаю, оба мои родители верили в бога, или кто-то один из них, и как сильна была эта вера. Но в красном углу их комнаты всегда висела икона в скромной деревянной раме, а может быть окладе. Вряд ли она была ценной. Не помню, чтобы родители подолгу застывали у иконы и, нас, детей, они никогда не понуждали молиться или учить молитвы. Но ругая нас за какие-нибудь провинности или безобразия, мать говорила: «Будете делать плохое – боженька вас накажет!». Но ни за один из наших проступков боженька нас ни разу не наказал. А выговоры, шлепки и подзатыльники получали чаще всего от мамы. Изредка перепадало и от папы. Ремнём совсем уж редко и всегда за дело. Родители любили нас всех пятерых.

Отсутствие наказаний со стороны бога, его равнодушие вызывали у меня сомнения в его существовании. Лет, наверное, в десять я додумался как преодолеть равнодушие бога: надо обидеть лично его. И, если бог есть, он обязательно проявит себя. Когда родители были на работе, а старший брат в школе, я разбил икону. Никакого наказания со стороны бога не последовало. Но до прихода родителей я ушёл из дома и прятался поблизости. Где-то в двенадцатом часу ночи отец вышел на крыльцо и громко прокричал: «Иди домой! Никто тебя бить не собирается!». Обрадованный я прошмыгнул в свою комнату.

Никто меня не наказал, но икон я больше не разбивал. Сам в бога не верил и не верю, но другим верить не мешаю. Это личное дело каждого.

• **Мысли вслух****ОТ ЛОВЦА БЛОХ**

В поэме «Во весь голос» великого В.В. Маяковского есть такие строки: «Мне и рубля не накопили строчки. Краснодеревщики не слали мебель на дом. И кроме свежевывытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо». Моют лицо, посуду и т.д. А бельё, одежду (в том числе и сорочки) всё-таки стирают. Наверное, правильнее было бы сказать: «И кроме свежестиранной сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо».

НЕ БАЙКА - БЫЛЬ!

В одной из восточных сказок охотник уверял собеседника, что как-то раз он одной стрелой ранил газель в копыто и в шею. На ехидный вопрос: "Как же это могло произойти?" - охотник ответил, что в момент выстрела газель чесала копытом за ухом.

Долгое время я считал ответ охотника идеальным примером охотничьего остроумия. Но лет двадцать пять назад я стал свидетелем и участником не менее удивительного происшествия в первый день сезона охоты на лося. Стали на номера, начался загон, слышу лай собаки. И вот в метрах сорока от меня среди сосен замелькал лось. Стрелок я неважный, бежал он прямёхонько на соседний номер, и я воздержался от выстрела. Через минуту сосед справа выстрелил, лось повернул в мою сторону, я мажу два раза. Перезаряжаю ружьё, не упуская лося из виду. Две пули соседа слева вжикнули над моим ухом и тоже мимо. Лось проскакивает между двумя деревьями и со всего маху бьется головой в стоящее на некотором удалении третье дерево. Садится на задницу. В такой позе обычно сидят собаки и кошки. И затем заваливается на левый бок. К нему подбегает охотник, стрелявший первым, и стреляет в упор.

Когда освежевали лося, кроме раны от последнего выстрела в упор нашли только дырку в ухе - след пули от первого выстрела. Если бы испуганный стрельбой лось не наткнулся на дерево, то оставил бы нас с носом.

Вот тогда я подумал, что охотник из восточной сказки тоже мог сказать правду.

Александр Мальчуков,
г. Андреаполь

• Гости клуба

Раиса Земскова

г. Нелидово

ИДУ НА ТАНЦЫ

Ещё не ведома мне грусть,
И не порочна юность.
И я у зеркала верчусь...
А мама встрепелась.

Вот и окончен восьмой класс.
Вокруг бушует лето!
Иду на танцы в первый раз.
Я не забуду это.

А вечер тёплым-тёплым был,
И каблучки стучали,
И аромат цветов пьянил...
Вот я в «Зелёном зале».

А в зале музыка звучит.
Ансамбль играет местный.
Хоть сердце бешено стучит,
Но на душе чудесно.

Самозабвенно и легко
В тот вечер танцевала...
Но... у дверей, недалеко,
Ты, мамочка, стояла.

Немного постояв, ушла
Неслышно, осторожно...
Как быстро дочка подросла,
Как за неё тревожно.

* * *

Как мне стихи твои близки!
Их пью по слову и по строчке.
В объятьях трепетной тоски
Пью, как вино, их по глоточку.

О, вы, пьянящие слова,
Как будоражите вы душу!
От вас кружится голова,
То станет грустно – слёзы душат.

Моя душа слилась с твоей.
Где чья – уже не различаю.
Но каждой клеточкой своей
Я эту близость ощущаю.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Где ты, единственный, верный и нежный?
Когда ты нарушишь мой сон безмятежный?
Ужель так и буду красавицей спящей?
Где же ты, принц мой, живой, настоящий?

Знаю и верю, что где-то ты ходишь,
Ищешь меня, но опять не находишь.
А время летит быстрокрылою птицей.
Господи, дай нашей встрече случиться.

Соедини две души и два сердца.
Скрипнув чуть-чуть, приоткроется дверца.
Тихо и бережно друг прикоснётся –
Дрогнут ресницы, принцесса проснётся.

НЕ ПЫТАЙСЯ УЙТИ ОТ ЛЮБВИ

Не пытайся уйти от любви.
Никому это не удавалось.
Ты меня позови, позови...
Сколько дней и ночей нам осталось?

Ты меня позови, позови!
Прилечу к тебе сказочной птицей,
И от нашей великой любви
Будут души, как солнце, светиться.

Её крыльев огромный размах
Заслонит нас с тобой от ненастья.
Даже в самых прекрасных стихах
Мне не выразить этого счастья.

ИМЯ ТВОЁ

С твоим именем я засыпаю,
С твоим именем утром встаю,
Твоё имя я днём повторяю,
Как любимую песню пою.

Твоё имя, как солнышко, светит.
С ним тепло и так хочется жить.
Пусть никто и ничто в целом свете
Не сумеет его заслонить.

* * *

Весна со смехом озорным
В неведомые дали
Гнала ручьи, а мы по ним
Кораблики пускали.

Где мой кораблик из коры
С бумажным человечком?
Давным-давно из той поры
Уплыл кораблик в вечность.

Маргарита Петрова

ПОЕДЕМ, КРАСОТКА, КАТАТЬСЯ...

Рассказ

– Представляешь, они все уехали. На озеро. А я сижу тут одна. В такую жару. И она уехала. Представляешь? Нажарила-напекла им всего и сижу. А она уехала... Я так и думала, что она со мной останется. Разве нам не о чем поговорить? За тридцать с лишним лет разлуки. Зачем и приезжать тогда? Мне места в машине не хватило. Представляешь? А они в озере плескаются, – сдерживаясь, но сбивчиво и с такой потаенной болью Женька всё это залпом выдала, что подруга даже по телефону поняла глубину её горя.

– Сейчас приду, что там у тебя стряслось? Кто уехал?

– Ты, как всегда, забыла всё. Говорила ведь тебе, что мать моя родная приехать сегодня должна. Ну, вот и приехала, со всей своей новой белорусской роднёй: сыном, невесткой, внучкой... Сюда не приходи. Купаться пойду. Я им не рабыня Изаура... В жару на кухне сидеть... Приходи лучше на речку, там и расскажу всё.

Что Женька помнила о матери? Что она могла помнить, оставшись без неё в два с лишним года. Больше придумывала, кое-что улавливая из рассказов отцовской родни, кое-что дорисовывая своим детским воображением. Отец, подвыпив в праздник, любил распевать одну песню:

Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал...

Женьке всегда думалось, что звал он кататься именно мать. У отца была лошадь, положенная ему как леснику, которую он запрягал в лёгкий возок с царским, как девочке казалось, сиденьем и красиво изогнутыми спинкой и подлокотниками. Ни у кого в округе такого не было. Она воображала себе, как мать с отцом мчались на этом возке, почему-то обязательно в метель. Мать в ярком цветастом платке, отец в белых фетровых бурочках* (у него и вправду такие были). И оба смеются взахлёб. Счастливые. И Женьке радостно.

Мать ей всегда представлялась доброй и красивой. Не могли её сбить с толку нечаянно услышанные недобрые слова отцовской родни, называющей её непутёвой шалавой.

– Ишь ты, жизнь свою поехала устраивать, а ребёнок тут как хочешь.

Повзрослев, Женька поняла, что всё в этой истории не так просто. Да, был за матерью реальный грех: измена. «Загуляла тут с одним, – говорили родичи, – невтерпёж мужа из объезда дожидаться. Работа у него такая. Пока весь околоток лесной охватит, и заночевать приходилось не дома, и по несколько дней не бывать. И что же? Другие годами ждут». Но бросать семью и тем более ребёнка мать вряд ли собиралась, во всяком случае, Женьке так хотелось думать. Связь-то была случайная. Но добрые люди, как водится, отцу подсказали. И он, специально вернувшись домой до срока, застал неверную жену за недобрым делом. После семейных разборок, не без рукоприкладства с отцовской стороны, вынужденно поскитавшись по соседям, она уехала в родную Белоруссию. Возможно, ждала, что муж, забыв обиду, позовёт назад. Но никто не звал. А когда, устроившись, вернулась за дочкой, Женьку спрятали. Даже не увидев дочь, мать уехала. Когда приехала ещё раз, отец уже жил с другой и в другой деревне. «В примачи пошёл, к зажиточной», – говорили родственники. Они опять не встретились.

И все-таки, как ни пыталась девочка оправдывать мать, обида жила в ней. Не могла она поверить до конца в безысходность ситуации и точно знала, что уж она-то своих детей не оставила бы. К тому же поняла, что отец любил именно мать, а не ту, которая заменила её потом. И сходились они по обоюдной любви. Привёз он свою весёлую красавицу и недавно родившуюся дочь в деревню под Торопацами с Урала, из крупного города, куда оба уехали за счастьем из разных мест. С жильём там не получалось у молодой семьи. Мать была горожанкой, деревенской жизни не знала. Думалось Женьке, что нелегко ей пришлось обживаться в послевоенной глубинке, хоть и пристроили её на «интеллигентную» работу, на почту.

И вот, когда Женьке перевалило за сорок, когда ни мужа, ни отца, ни мачехи уже не было в

(продолжение на стр. 9).

живых, отношения с бабушкой установили внуки. Двоих сыновей вырастила, выучила Женя. Как её послушные дети решились на такое втайне от матери? Но однажды приехали из отпуска и заявили, что разыскали бабушку в Новополоцке, побывали у неё в гостях, и теперь она приедет с ответным визитом.

Надо ли говорить, каким потрясением стала эта новость для Женьки. Ночи превратились в одну длинную бессонницу, перемежающуюся короткими нервными снами-воспоминаниями. То она видела себя маленькой девочкой, навзрыд плачущей и причитающей: «Хочу к папе». Хотя папа был рядом, и мачеха, называемая мамой, присутствовала при этой истерике. Ребёнок просил того, по чему истосковался, и что не знал, как назвать. Отец, может быть, и догадывался, что плачет дитя по той, с кем совсем недавно были одним целым, потому что не ругал, не наказывал, а растерянно пытался успокоить дочь.

То всплывала сцена после драки с соседской девочкой. Женька удивлённо подслушивала из-за забора, как её отец вместо того, чтобы ругать своего нахулиганившего ребёнка, защищает ее перед соседом:

– Ты мою дочку не тронь. Твоя Верка так Веркой и останется, а моя Женька вырастет и Евгенией Фёдоровной станет, вот увидишь.

То вспоминала, как они идут куда-то с той, кого она привыкла называть мамой. И Женька, нарядно, наряднее многих, одетая (мачеха неплохо шила, даже на заказ) суёт ей настойчиво свою руку. И рука повисает в воздухе. Мачеха не то что не хочет приласкать девочку, она просто не понимает, не замечает даже, что для Женьки это сейчас важнее всего на свете. Важнее, чем её красивое новое платье и обещанные в праздник гостинцы.

И день настал. Гости появились на пороге. Сумбур первых минут, взаимные, на автомате, расшаркивания-раскланивания, представления-обнимания. В брате, так поздно и неожиданно появившемся в её жизни, она не чувствовала брата, родную душу. Возможно, это и пришло бы потом, кто знает. Но сейчас была важна только ОНА.

Потом обед. Женя умела готовить, хорошо знала модную теперь в России азиатскую кухню, сказались несколько лет, прожитых ею после окончания института в Киргизии. Но тут расстаралась особо. Даже сыновья её, привыкшие к маминым вкусняшкам, нахваливали шутливо: «Ну, Фёдоровна, ты дала сегодня стране угля». А подруге она скажет в том телефонном разговоре: «Представляешь, так всё было вкусно, так удалось, даже ели без хлеба. И она уехала...».

Когда дети предложили поехать на озеро, на любимую многими Бдынью, и в машине не хватило одного места, Женька с радостью отказалась. «И она останется, – со сладким замиранием в груди и со страхом одновременно подумалось ей, – побудем вдвоём наконец-то. Она не может этого не хотеть». Но мать первой и очень даже легко для своих лет впорхнула в машину. «Она у нас как мотылёк», – вспоминала Женя уже потом не очень доброжелательную реплику невестки. И они уехали.

На речке, поджидая подругу, Женька старалась ни о чём не думать. Так легче. Пусть в голове будет совсем пусто, даже звенит, как в железной бочке. И поймала себя на том, что мурлыкала без выражения давно забытые и когда-то так любимые отцом строчки: «Поедем, красотка, кататься, давно я тебя поджидал». Через печаль усмехнулась: «Надо же, что вспомнилось. Вот и дождались, папа. Только катаемся не мы».

Над клейким красным цветком, который в их местности называли бессмертником, хотя книжное название он имел другое, порхали две яркие бабочки. И столько заразительной прелести было в их танце. Как будто жить им не несколько коротких дней, а вечность.

«От этих хоть глазу радость. А, может, и правда – мотылёк? Порхает, где случилось. Как мотылька судить? А ехала-то зачем? И я, дура, размечталась. Жизнь мало учила?».

– Фу, ну и жара, – обмахиваясь нелепой шляпкой, сообщила и без того очевидное подошедшая подруга, – ну, что там у тебя, выкладывай?

– Да так, ничего, забудь, не обращай внимания. Проехали. Бабочки, вон, смотри, как легко живут.

**Бурки – зимняя обувь из фетра или толстого сукна.*

• Листая старую тетрадь
Михаил Никоноров

Андреаполь

НАДО ЖЕ

*«У тебя - около двухсот
уникальных мутационных
сдвигов».*

В. Юринов». «Демьян».

*...каждой своей хромосомой
чувствую трепет волны...*

М. Петрова

Надо же страстись такому,
вот не подфартило мне:
застудила хромосому
я, купаясь в Двине.

И попала я в больницу.
Там хирург меня лечил.
Специфическим он шприцем
хромосому удалил.

Я схватилась уже дома
на исходе того дня,
что вторую хромосому
по дороге у меня

спёрли. Что теперь поделать?
Что теперь мне предпринять?
Может, к Юринову сбегать,
пару хромосом занять?

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

День околел. Дырвяя неба зонтик,
ошалевают звёздные огни.
Вечерний час – различных встреч предзона,
и только мы не встретились одни.

К тебе я населённою пустыней
без права встать и повернуть назад
иду дорогой бесконечно длинной,
где трупы по обочинам лежат.

Кровавым залита асфальтом мостовая,
наполнен кровью придорожный ров,
звезда с небес мигает мне кроваво,
мои следы с пути смывает кровь.

Навстречу мне скелетные конклавы.
Переступая через тьму и ложь,
иду к тебе дорогою кровавой
и знаю: ты меня на ужин ждёшь.

Тебя я вижу. Кончились тревоги.
Что было плохо – стало хорошо.
Пускай опухли пьяной мордой ноги,
Я до тебя – до ручки, вот! – дошёл.

И тут в одну дороги наши свились.
Ушли сомненья, и растаял страх.
И в поцелуе мы соединились,
как будто

пролетарии всех стран.

* * *

Я не знаю любовь привычка
Или милая сердцу ложь
Но душа моя словно спичка
И два раза ее не зажжешь

СТАРАЯ ПЕСНЯ НА НОВЫЙ ЛАД

Оцифрована, зашифрована,
на особом файле отмечена,
антивирусно защищённая,
виртуальная моя женщина.

Не весёлая, не печальная,
и тем более не сумасшедшая,
ты звезда моя сериальная,
с порносайта будто сошедшая.

Увлечённый твоими данными,
раздвоеньем терзаю душу я:
то сравню с Ковальчук тебя Анною,
то – что круче – с собачкою Ксюшей.

По натуре я сволочь редкая
и к тому же ехидно-пошлая.
Но, хотя и влюблён был крепко я, –
ты поярче подруги прошлого.

Неуёмна, как цены бензиновые,
по потребностям бочка бездонная,
та была, похоже, резиновая,
хотя типа супруга законная.

Но тобою, а вовсе не предками,
свою душу больную вылечу.
Вот сейчас оберну нимфеткою,
а когда надоешь – выключу.

Не печалься, ведь всё уляжется.
Как стихи мои позабудется.
Ты ведь умница и красавица,
хотя мне это только чудится.

* * *

Ничего на свете не меняется
всё одно везде и там и тут
только средства связи развиваются
только цены на еду растут

• Невыдуманные истории

РАСПЛАТА?

Тогда, в ранней молодости, Зина не подозревала, чем ей обернется такая пылкая любовь к Константину. Да, у него была, на взгляд многих, прочная, стабильная семья, подрастало трое детей. Но, любовь, как считала Зина, превыше всего. Она способна все рушить на своем пути. Никакого чувства вины Зина не испытывала, когда Константин ушел жить к ней, оставив свою большую семью на произвол судьбы.

Обманутая жена очень страдала. Она не мыслила своей жизни без любимого, пусть и предавшего ее человека. В сердцах мать троих детей сказала Зине, что будет проклят весь ее род. Соперница не придавала значения этим словам. Да и не хотелось ей в момент наивысшего счастья думать о плохом. Ведь теперь Константин был с ней навсегда. О цене такого счастья она не думала. Здесь все зависит от нравственных качеств. Женатых мужчин любят многие, нельзя запретить любовь, если она возникла, сердцу ведь не прикажешь, но не каждая женщина способна разрушить чужую семью.

Зина и Константин не остались в своем райцентре, а уехали далеко от этих мест, чтобы начать жизнь с чистого листа. Один за другим в новой семье рождались и подрастали дети. Казалось, всё шло хорошо. Но только до поры.

А потом началось самое страшное, целая череда противоестественных смертей выкашивала членов этого семейства. Покончил жизнь самоубийством сын Зины и Константина, Виктор. Он попал в автомобильную аварию. Его обвинили в смерти женщины. Отбыв срок в местах не столь отдаленных, он вернулся домой и повесился. Его жена, Лариса, одна растила троих детей в отсутствие мужа. Что подвигло кормильца, оставляющего детей теперь уже навсегда, на такой поступок? Люди говорят, что чувство вины. Виктор был очень совестливый и не мог смириться с тем, что по его вине погибла женщина.

Свела счеты с жизнью и еще одна дочь Зины и Константина – Лидия. Она жила в Твери, но потом вместе со своим сожителем приехала в деревню к маме. Свою квартиру в Твери оформила на дочь. Зине не нравилось, что Лидия вместе с сожителем пристрастилась к выпивке. Очень часто на их столе стояли бутылки, что всегда раздражало мать.

– Поезжай домой, – приказала она Лиде, – ведь там, в Твери, у тебя своя квартира. Живи там, как хочешь. Хоть я не буду видеть, как моя дочь пьет. Материнскому сердцу это выносить нелегко.

Но вернуться в прежнюю квартиру у Зининой дочери не получилось.

– Нет, мамочка, – сказала Лиде ее дочь, Женя, – ты сама отдала мне свою квартиру. Теперь только я ей единственная хозяйка. Я не хочу, чтобы ты в ней устраивала попойки.

В отчаянии Лидия обратилась за советом к односельчанину. Ничего вразумительного он ей предложить не мог. Да и что, на его взгляд, можно посоветовать в такой ситуации? Женя, действительно, теперь хозяйка квартиры, и Зина не желает больше видеть дочку в своем доме. В общем, жизнь, как говорят в народе, загнала эту женщину в угол. От безысходности она, как и ее брат, повесилась.

Тяжело было Ларисе, жене Виктора, одной поднимать троих детей, Зининых внуков. И она, отдавая все свои силы сыну и дочкам, даже не подозревала, какое испытание ее ждет впереди. Повесился ее сын Роман, злоупотребляющий спиртным. Он и не стремился создавать свою семью, поскольку вел разгульный образ жизни и не думал ни о какой, ни перед кем ответственности.

Не радовала Ларису и жизнь ее дочери Галины. Она, как любая мать, хотела, чтобы у дочки была настоящая семья, чтобы она вместе с мужем растила детей. Но Галина родила двух внебрачных сыновей. Она пользовалась успехом у мужчин. Не один страдал по ней, делал предложение. Но Галина любила только одного, Максима. В момент ссоры с ним, она повесилась. Остались сиротами двое детей, младшему всего два года.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

ОБ ОТОПЛЕНИИ

Кочегарки в Орловке работали на угле. Уголь был дрянной, местный, добытый в недалёком во всех смыслах Райчихинске, и дыма давал он гораздо больше, чем тепла.

Сразу же хочу остановиться на этом месте и задать вопрос нашему высокообразованному читателю. Сможет ли уважаемый читатель своим умственным усилием вычислить – к какому явлению приводило в Орловке наложение двух факторов: плохого райчихинского угля и малоснежной местной зимы? И пока наш въедливый читатель морщит свой высокий лоб, я расскажу вам одну совсем коротенькую историю.

Однажды зимним вечером мы с женой пошли погулять. Пошли мы в лес. А поскольку лес в Орловке начинался практически от самых домов, то дальше ста метров мы от городка и не отходили. Во всяком случае, светящиеся сквозь деревья окна домов мы видели постоянно.

Гуляли мы весело – кидались снежками, дурачились, барахтались в снегу. Оживлённые и разгорячённые вернулись домой, глянули друг на друга на свету... и обалдели.

Ну, во-первых, наши лица. Больше всего в тот момент мы походили на попавших под проливной дождь, печальных арлекинов. Как говорится – обнять и плакать! Впрочем, грязные потёки на наших физиономиях можно было с успехом принять и за боевой камуфляж.

Во-вторых, одежда. Ну, моя-то чёрная меховая куртка, в принципе, так и осталась чёрной. А вот светлый пуховик жены!.. Бедной супруге пришлось стирать свой пуховик дважды. Причём после первой стирки было такое впечатление, что из стиральной машинки сливается не вода, а чёрные чернила.

«Ну конечно! – воскликнет в этом месте наш читатель-всезнайка. – Я так и думал! Угольная пыль!..» И, как всегда, будет прав. Да-да, несгоревшая угольная пыль, вылетая из труб кочегарок, оседала на землю и покрывала все окрестности Орловки. Она была настолько мелкой, что на снегу её можно было различить, лишь присев на корточки и пристально вглядевшись в наст. Но стоило вам зачерпнуть пригоршню снега, слепить снежок и метнуть его кому-нибудь в спину, как можно было тут же смело отправляться мыть руки, а жертве вашего покушения – отстирывать грязное пятно на спине. Старожилы гарнизона знали об этой особенности орловского снега и уж если им приспичивало поваляться в снегу, то уходили они для реализации этой затеи как можно дальше от кочегарок. Я, конечно, тоже знал про угольную пыль на снегу. Знал. Знал! Да вот в тот вечер как-то забыл...

Однако вернёмся к проблемам отопления.

Итак, горел уголь в орловских кочегарках скверно и, наверное, поэтому батареи отопления в домах гарнизона являлись, скорее, декоративным, нежели нагревательным элементом. И если в разгар отопительного сезона радиаторы на первых этажах домов, хоть и с натягом, но ещё можно было назвать тёплыми, то жители верхних этажей были вынуждены ставить к своим батареям электрические обогреватели, дабы предотвратить размораживание системы. Поэтому командование гарнизона всегда очень внимательно следило, чтобы все верхние квартиры в домах были в обязательном порядке заселены.

Тем не менее периодически случались различные непредвиденные накладки: кто-то уезжал в отпуск, не оставив ключей соседям; кто-то забывал проверить – работает ли в нежилой комнате калорифер; а бывало и такое, что на пару дней обесточивался один из домов. Батареи лопались, температура в квартирах по всему стояку моментально начинала падать, и процесс принимал лавинообразный характер. Все жители потерпевшего стояка затевали лихорадочную суету, направленную на добычу новых радиаторов (а сделать это в условиях отдалённого гарнизона было очень и очень непросто!) и скорейшую замену вышедших из строя сегментов батарей отопления. Могу поспорить на свою офицерскую фуражку, что любой орловский старожил способен – разумеется, при наличии хорошего разводного ключа и толкового помощника – заменить секцию радиатора быстрее, чем среднестатистический житель мегаполиса выпьет бокал пива.

Так что вид человека, несущего на себе батарею парового отопления, был в Орловке достаточно привычным. Если бы кто-нибудь когда-нибудь в конце концов решил увековечить память о жителях отдалённых гарнизонов и воздвигнуть на самой большой площади самого большого города памятник безымянному обитателю бесчисленных Орловок, Укуреев, Таёжных, Ледяных и прочая, и прочая, то облик этого памятника у меня, например, не вызывает никакого сомнения. Это должен быть он: маленький

(продолжение на стр.13).

(начало на стр.12).

житель маленького гарнизона, с перекошенным от напряжения, но счастливым лицом удачливого добытчика, согбенный под тяжестью огромного – двенадцатисекционного – чугунного радиатора.

Как уже отмечалось выше, квартиры в Орловке были оборудованы титанами. Топить титаны полагалось дровами или углём. Замечаете нестыковочку? На дворе конец двадцатого века, полк летает на реактивных сверхзвуковых истребителях, а тут – дрова и уголь. Пытливый ум жителей авиационного гарнизона, конечно, не смог пройти мимо подобного противоречия, и местные «кулибины» придумали замечательное усовершенствование, превращающее допотопный титан в продукт, как бы сейчас сказали, высоких технологий.

Изобретение представляло собой горелку в виде плоской спирали с рядом калиброванных отверстий. К спирали через трубку подводился авиационный керосин (которого, как вы сами понимаете, в авиационном гарнизоне было хоть залейся). Горелку помещали горизонтально в печке титана. Керосин к спирали поступал самотёком, для чего канистру с топливом располагали выше уровня горелки. В итоге получалась достаточно простая, но эффективная конструкция, не требующая при своей эксплуатации особых усилий и затрат. Поскольку теплоотдача керосина в разы превышает теплоотдачу угля, а тем более дров, то нагревало титан подобное устройство не за час-полтора, а за десять-пятнадцать минут. Владельцу «реактивного» агрегата оставалось только следить, чтобы вода в титане не выкипала. Ну а добавление к конструкции агрегата регулировочного краника на выходе из канистры (что позволяло изменять мощность горелки) и вовсе делало агрегат автономным, практически не требующим контроля.

Новички, приезжающие в гарнизон, некоторое время помучившись с дровами и углём, в конце концов перенимали опыт старожилов, и большинство орловских квартир, особенно те, где жили семейные пары с детьми, было оборудовано подобными «ноу-хау». Поэтому вид офицера, едущего на аэродром или с аэродрома с пяти- либо десятилитровой канистрой в руках, в Орловке абсолютно никого не удивлял.

Вообще-то, керосин горит плохо. Хорошо горят пары керосина. Это вам подтвердит любой конструктор реактивных двигателей или хотя бы вон тот древний дедушка, сидящий на скамеечке и полжизни имевший дело с коптящим керогазом. Поэтому в эксплуатации керосиновых горелок была одна небольшая, но довольно существенная особенность – у них были проблемы с запуском. Обычно процесс розжига горелки выглядел так: под спираль подкладывали бумагу, поджигали её и слегка приоткрывали кран на канистре; керосин начинал поступать в спираль, вытекал через отверстия, капал на горящую бумагу и, испаряясь, загорался; омываемая пламенем спираль постепенно разогревалась; керосин начинал испаряться ещё на подходе к отверстиям, и через отверстия шли уже керосиновые пары, которые тут же воспламенялись. В итоге спираль раскалялась, и пламя становилось устойчивым. После чего краником можно было отрегулировать необходимую мощность горелки.

Но бывало так, что по какой-то причине пламя гасло, а керосин продолжал поступать в спираль и испаряться. Таким образом, в печке скапливались керосиновые пары, и попытка сунуть туда зажжённую спичку заканчивалась обычно плачевно. Время от времени утром на построении появлялся безбровый и безресничный офицер и окружающие без лишних вопросов понимали: это – «погорелец», грубо нарушивший меры безопасности при розжиге керосиновой горелки.

Случались и более интересные и драматичные истории, связанные с эксплуатацией нашего орловского керосинового «ноу-хау». Одну из них я вам сейчас расскажу.

Капитан Л. приехал в Орловку в начале лета 87-го. Получив квартиру, Л. быстро сделал в ней ремонт и в конце августа перевёз в Орловку семью – жену с дочкой.

Капитан Л. был опытным офицером, Орловка была далеко не первым гарнизоном в его жизни, и Л. хорошо знал, что главное на новом месте – это удачно пережить первую зиму. Поэтому он сосредоточил усилия на утеплении своей квартиры. Разумеется, столь замечательное местное «ноу-хау», как керосиновая горелка, не могло ускользнуть от пристального внимания приметливого орловского новичка.

Капитан Л. был инженером, к тому же он служил в ТЭЧ (технико-эксплуатационная часть), и ему, конечно, не составило большого труда сделать по чертежам сослуживцев подобный агрегат. Горелка была установлена в титан, опробована и введена в эксплуатацию. Жена Л. была тщательно проинструктирована и после сдачи соответствующего зачёта допущена к тонкому процессу розжига горелки. Все были довольны. Однако пришедшие холода показали, что не всё в быту семьи Л. столь радужно. Титан исправно согревал кухню и в изобилии давал горячую воду, но остальные комнаты квартиры оставались холодными. Установленные в них электрические обогреватели не спасали положения. Ситуация требовала радикального решения.

Капитан Л. был предприимчивым человеком. Я бы даже сказал – очень предприимчивым, поскольку ему

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 12-13).

каким-то образом удалось в условиях отдалённого гарнизона и царящего в стране всеобщего дефицита добыть второй титан и, в придачу к нему, несколько колен жестяных дымоходных труб. Титан был оперативно установлен в большой комнате, а труба от него, обмотанная асбестовыми полотнищами, выведена в окно. Снабжён был новый титан и новой керосиновой горелкой. В комнате теперь чуток пахло керосином, но зато было тепло, как в Африке. Вопрос с обогревом был решён. Капитан Л. сиял. Жена называла его «мой гений» и целовала в гладкую щёку.

Но вскоре оказалось, что не все разделяют радость предприимчивого капитана.

– Убрать! – коротко приказал начальник гарнизона, увидев весело дымящую трубу, торчащую из окна четвёртого этажа.

Капитан Л. попытался возражать, но был не понят.

Придя домой, Л. с тяжёлым сердцем принялся демонтировать своё детище. Взгляд его случайно упал на вентиляционную отдушину под потолком, и в то же мгновение в мозгу у капитана – противопехотной гранатой – разорвалась блестящая до ослепительности идея. Л. схватил листок бумаги, вскочил на табурет и приложил бумагу к вентиляционной решётке. Листок присосало – тяга была. «Эврика!» – закричал капитан, но, в отличие от своего сиракузского коллеги, не побежал голым на улицу, а принялся быстро и чётко переделывать систему «титан-труба». Титан был передвинут ближе к отдушине, дымоход выведен в вентиляционную систему, отверстие в окне застеклено. Пробная топка показала отличный результат – дым через систему вентиляции уходил даже лучше, чем через законную трубу, которую время от времени всё-таки задувало ветром. Человеческий гений победил. Титан исправно работал, тепло разливалось по квартире, и жена вновь целовала капитана Л. в гладко выбритые щёки.

Как здесь уже отмечалось, квартира капитана Л. располагалась на четвёртом этаже. В квартире над ним проживал майор И., который на момент описываемых событий, на свою беду, находился в отпуске. Вместе с женой. Примерно через месяц ничего не подозревающие супруги вернулись с «большой земли» и, поднявшись к себе на пятый этаж, открыли дверь своей квартиры.

В нос им ударил сладковато-едкий запах сгоревшего керосина, а перед их изумлёнными глазами предстало Царство Сажи.

Сажа была везде. Она толстым – десятисантиметровым – слоем стелилась под ноги. Она густой бахромой окутывала ковры и шторы. Она лежала на всех горизонтальных поверхностях. Она была даже на потолке. Паутины, превращённые сажой в толстые пушистые верёвки, свисали с люстр и опутывали углы. Сквозь заросшие сажой окна пробивался неверный потусторонний свет. Зеркало в прихожей напоминало «Чёрный квадрат» Малевича. Это была уже не квартира – это была декорация к фильму ужасов, продукт Абсолютной Тьмы, Великое Чёрное Безмолвие.

От открытых дверей потянуло сквознячком, и чёрные верёвки пришли в движение, закачались; над полом взметнулись чёрные смерчки; с потолка посыпался чёрный сажевый снег. Стоящая за плечом майора И. жена заголосила...

Керосиновая копоть – очень въедливая штука. Так что из всей обстановки квартиры майору И. удалось спасти лишь то, что имело гладкую полированную поверхность. Все ковры и всю мягкую мебель пришлось выбросить. Пришлось выбросить и большую часть одежды и белья, ибо керосиновая копоть пробралась и в шкафы. А в самой квартире пришлось делать капитальный ремонт.

Капитан Л. был порядочным человеком. Так что, когда в 90-м году, через три года после описываемых событий, я уезжал по замене из Орловки, он всё ещё продолжал выплачивать майору И. компенсацию за испорченное имущество.

И всё же, если говорить об отоплении, то разговор, прежде всего, надо вести о «козлах». Именно электрические «козлы» были самым распространённым источником тепла в Орловском гарнизоне.

«Козёл» представлял собой элементарную конструкцию: на обрезок асбестоцементной трубы накручивалась спираль от утюга, к которой подсоединялся провод с вилкой; вся конструкция устанавливалась на деревянные козлы (отсюда и название) и – вуаля! – простейшее средство обогрева было готово.

У «козлов» имелся ряд отрицательных качеств: они были пожароопасны; они сильно сушили воздух в помещении; спирали на них часто перегорали. Но простота изготовления и отличные показатели теплоотдачи с лихвой компенсировали все указанные недостатки.

Перед наступлением холодов в каждой части гарнизона создавалась специальная команда, которая занималась изготовлением «козлов». Команды вели между собой негласное соревнование. Каждая из них хотела «выпендриться» и утереть нос своим соперникам, предьявив ко всеобщему обозрению «козёл» с какой-нибудь особенной «фишкой»: с нестандартными, к примеру, – «фирменными» – опорами; или с особой – вечной – спиралью из супер-пупер-неизвестно-какого сплава.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.12-14).

Не побоюсь сказать, что в зимнее время в каждом служебном помещении, в каждой орловской квартире работало столько «козлов», сколько была способна выдержать местная электрическая сеть. В нашей холостяцкой квартире, например, днём и ночью безостановочно грели воздух три «козла» – по одному на каждую комнату. И тем не менее температура в квартире никогда выше пятнадцати градусов не поднималась.

Надо ли говорить, какие сумасшедшие нагрузки испытывала в холода гарнизонная электрическая сеть вообще и электросеть каждой из квартир в частности! Поэтому, я думаю, что после разговора об отоплении логично будет перейти к вопросу...

Об особенностях

электрификации отдельного гарнизона

Представьте себе субботний вечер. Мы с женой, вкусно поужинав, сидим в креслах перед телевизором. Идёт очередная серия «Семнадцати мгновений весны». «А вас, Штирлиц, – говорит с экрана неподражаемый Мюллер-Броневой, – я попрошу остаться...» И в это время гаснет свет! Мы с женой отчётливо слышим вопль-стон, доносящийся, кажется, одновременно со всех сторон, – это значит, что свет вырубился не только в нашей квартире.

– Ну вот, – расстроено говорит жена, – на самом интересном месте!

– Спокойно! – говорю я. – Спокойно...

Я вскакиваю и выглядываю в окно – дом напротив сияет всеми своими окнами. Значит, в городке свет есть. Тогда я отбегаю к противоположной стене и прикладываю к ней ухо. Из квартиры соседа доносится приглушённый голос Мюллера – там тоже есть свет и продолжается фильм. Я быстро соображаю: значит, свет пропал только по нашему подъездному стояку; следовательно, скорее всего, опять «полетела» фаза.

– Спокойно! – говорю я жене. – Сейчас досмотрим!

Я выскакиваю в коридор, накидываю куртку и, схватив стоящую в углу «электрическую палку», выхожу на лестничную площадку.

«Электрическая палка» – это обычная деревянная палка метровой длины – неотъемлемая деталь интерьера любой орловской квартиры.

(продолжение следует).

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Напоминаем, что условия конкурса опубликованы в «Светлячке» №9(30) за сентябрь 2013 года. Прочсть нашу газету вы можете, набрав в поисковой строке: литературно-краеведческая газета «Светлячок».

* * *

Растеряла слова на гряде огородной,
Где с любовью рифмуется только морковь
Да ладони, лопаткою стертые в кровь
На работе, прослывшей сегодня немодной.

Но с дождями осенними, видимо, вновь,
Коли милостью неба мне это дано,
Буду рифмы придумывать к слову Любовь
И варить свои овощи – "без ГМО".

Любовь Егорова,
Осташков

ЛЮБОВЬ ВАМ НЕ МОРКОВЬ

Светлана! Светлана! Светлана!
Лет тридцать тебе не писал.
На сердце твоём, знаю, рана,
Когда я любовь оборвал.

Чужая! Чужая! Чужая!
И в этом я сам виноват.
Искал я какого-то рая,
По сути, катился я в ад.

Другая! Другая! Другая!
Теперь уже сделалась ты.
Но только всё снится из мая
Девчонка заветной мечты.

Родная! Родная! Родная!
Не вправе теперь я сказать.
Прости меня, дорогая,
За всё на Суде отвечать.

Владимир Яковлев,
п. Бологово

Работы присылать в электронном варианте по адресу:

andkniga@andreapol.tver.ru

или присылайте рукописи по адресу:

г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;

или приносите в районную библиотеку.

• Молодые
И АКТЁРЫ СВОИ

Праздничный день.
Концерт в Доме культуры.
Хорошие песни,
замечательные танцы,
знакомые лица исполнителей.
И вдруг – новенький. Молодой
яркий парень в узких джинсах,
модной рубашке исполняет
песню из прошлого –

«Лучший город земли». Причём поёт, будто стараясь попасть «один в один» с Муслимом Магомаевым, иногда слегка и уважительно пародируя легендарного исполнителя. Повторяет его манеру держаться на сцене, характерные позы и движения.

По залу шепоток: «Кто такой? Откуда взялся?»

– От души поёт, – восторженно изрекла моя подруга.

– А, по-моему, он поёт и держится очень профессионально, – заметила я.

И оказалась права. На выходе зрители одолели исполнителя вопросами и сетованиями, что спел мало, ещё бы надо. Поинтересовалась и я, откуда такого заметного занесло в наши края?

– Андреапольский я, просто ответил парень.

– Студент, наверное?

– Да, актёрского факультета.

Выяснилось, что Илья Мирошников учится в Московском кинематографическом институте, что когда-то он в самодеятельности нашего ДК постигал азы сценического искусства.

– Вот окончу институт, вернусь домой и буду для вас петь, – не то в шутку, не то серьёзно говорит он.

Искренность юноши покоряла, нравилось и его доброе отношение к своей малой родине. Но всё-таки нам, землякам, хотелось, чтобы вышел он в большие артисты. Всем известно, что путь актёра тернист и затейлив, что зависит он не только от труда и дарования, но и от того, бросил ли на тебя доброжелательный взгляд режиссёр, сумел ли ты оказаться в нужное время в нужном месте. Да мало ли от чего ещё.

Поэтому, удачи тебе, Илья Мирошников. Первый шаг ты уже сделал, став студентом такого ВУЗа и снявшись в эпизодах нескольких сериалов.

М. Петрова

Пётр Бобунов

г. Нелидово

Сирень приход вещает лета.
Тепло, и жизнь пошла другая:
На ароматы снято вето,
И вся Земля благоухает.

Разгадка таинства творенья
Проста, как прелесть майских гроз:
Под вечер каждый куст сиренев,
Призывный шёпот, как гипноз.

А соловей, такая кроха,
Но домоганья этих птах
Так провоцируют от вздохов
К возне в означенных кустах.

Замри, прекрасное мгновенье!
Но время движется к заре...
А хороши ль плоды сирени,
Узнаем разве в феврале.

* * *

Какие понты,
Причём тут любовь –
Снесло все мосты,
Сижу без зубов.

* * *

А я – не один,
А мы – со стаканом,
Сидим взаперти,
Пасём тараканов.
Покуда обильна
В стакане кормёжка,
В потёмках извилин
Снуют шестиножки,
Шевелят усами –
Щекотно в мозгу.
Чтоб множились сами,
Я им – чем могу.
Но день недалёк,
Я им стану не нужен –
Иссякнет паёк,
И полезут наружу...

* * *

Сотворю мифы,
Облекая в строфы.
Кто-то ахнет тихо:
«Он же Мифострофель!»